

Последняя афера

A dark silhouette of a person stands in the center of a bright, glowing tunnel. The light is most intense at the top and bottom of the tunnel, creating a strong contrast with the dark figure. The overall mood is mysterious and dramatic.

Сковородко Владимир

Владимир Александрович Сквородко

Последняя афера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=28751773

SelfPub; 2018

Аннотация

Слепой художник и изворотливый аферист, два человека, жизни которых в ходе случайных событий переплетаются между собой и ведут к неминуемым последствиям. Что же является тем связующим звеном? Случай, женщина или нечто большее? Что таит в себе их прошлое и какое ждёт будущее? А главное – смогут ли они сами найти ответы на эти вопросы?

Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Грек сидел за рабочим столом, прогибающимся под тяжестью груды пыльной макулатуры. Дел было невпроворот. Окружённый канцелярским хламом, он спешил закончить работу над ежемесячным отчётом, который должен был предоставить Валерию Константиновичу уже сегодня. Не выполнение задачи значило остаться сегодня на работе до девяти часов вечера, выслушавшая поучительные лекции об обязанностях кадров, корпоративном этикете, тайм менеджменте, конструктивном мышлении и прочей ереси, которая несколько не интересовала Грека, особенно в пятницу. Но главное, это значило бы, что сегодняшнее свидание с Миладой не состоится, чего он никак не мог допустить. Он уже знал, что наденет, какие темы они смогут обсудить, что они будут пить и главное – кто за все это заплатит. Единственное, в чем он не мог быть уверен наверняка, так это в финале грядущего балла. Разумеется, секс не был для него конечной целью сегодняшнего свидания с Миладой, но и отказываться от секса с такой красоткой было бы глупо. Как, например, было бы глупо со стороны мыши, желающей попасть к себе в норку, отодвигать загородивший проход шмат сыра, не полакомившись им.

Несмотря на неплохую заработную плату, как и преобладающее большинство смертных, Грек ненавидел свою работу. Помимо этого, он ненавидел и своего начальника, чем

также мало отличался от стандарта. Валерий Константинович, в общем-то, был неплохим человеком. Бывал жестоким, но всегда выделялся своей справедливостью, не отличался предвзятостью, однако, при этом не был лишён человеческого понимания. Его все боялись, но никто ни разу не слышал, чтобы он повышал голос на подчиненных. Одним словом, мужик. Но разве хорошие человеческие качества могли мешать чьему-то начальнику быть мудаком? Ведь ненавидят начальников не за отсутствие у них чего-то святого или наличие демонического, а просто потому, что это начальство. Это как любовь к своим детям: плевать, что он наркоман, плевать, что убийца и форточник, – ведь это родное, и любить его матушка будет несмотря ни на что. Только тут наоборот. Мудак – это условный статус, автоматически приобретаемый человеком с момента поручения им обязательств другому человеку.

Вопреки всем существовавшим рискам мысли Грека все же никак не хотели сосредотачиваться на текущей задаче и вместо этого предательски метались с темы на тему. Раньше такой проблемы, как неспособность сконцентрироваться, у Грека не было. Напротив, ему всегда легко давалась монотонная работа, поскольку сам по себе он не отличался активностью. В детстве ему очень нравилось лепить из пластилина и получалось у него это довольно неплохо. Однажды ему даже было присвоено почетное звание лучшего рукотвора детского сада «Василёк», что ещё многие годы было предметом

безграничной гордости для его мамы. Но время течёт, года пролетают со свистом и вот, когда-то лучший рукотвор детсада «Василек» сидит в своём пыльном кабинете, склонившись над отчётом и мечтает о свободе. Вот так и гибнут таланты.

От резкого стука в дверь, запутанный в паутине собственных мыслей, Грек, едва не вскочил со стула.

– Идёшь обедать? – прозвучал пронзительный голос Олега.

– Да... Пойдём, – протирая уставшие от напряжения глаза и восстанавливая дыхание, будто после резкого пробуждения ото сна, с тяжелым вздохом ответил Грек.

– Жду тебя внизу, – быстро проговорил Олег и закрыл за собой дверь.

Грек медленно, словно боясь сломаться, поднялся с компьютерного кресла и, захватив бежевое драповое пальто, покинул кабинет.

Он вышел из офиса, прошел до пустовавшего лифтового холла и надавил на стрелку вниз. Вскоре лифт подоспел, двери разъехались в стороны, и Грек шагнул вперёд, мимолетно окинув взором уже стоявшего внутри мужчину. Они столкнулись взглядами. В эту же секунду Грек неожиданно испытал дикий страх, пробравший до самого сердца. В глазах незнакомца виднелось нечто страшное, демоническое, что-то необъяснимое. Грек рефлекторно отвернулся назад, лицом к ещё открытым дверям лифта и сглотнул вставший в

горле ком. По непонятным причинам тело его вдруг затрясло. Необъяснимый ужас острыми когтями врвался в нутро, пробирая дрожью до самых костей. Ему казалось, будто нечто ужасное сейчас стоит за его спиной и вот-вот нападет на него. Ладони Грека покрылись холодным потом. Мысли о том, что двери скоро закроются и он останется один на один с чудовищем в замкнутом, тесном пространстве, приводили в глубокий ужас. Желание броситься прочь с криком о помощи секунда за секундой становилось все менее преодолимо. Паника окончательно охватила его. В глазах начало темнеть. Прозвучал сигнал, предупреждающий о закрытии дверей, и сердце сжалось до резкой боли в груди. Он уже почти ничего не видел. Между дверцами оставалось лишь несколько сантиметров, когда в щель резко проникла чья-то рука. Грек дернулся от испуга. В лифт зашли две девушки из соседнего офиса. Почувствовав тошноту, шатаясь, будто вусмерть пьяный, он быстро выбрался обратно на площадку. Согнувшись почти пополам, он принялся жадно глотать воздух, как дышит вынырнувший, едва не захлебнувшийся в воде человек. Обретя способность видеть, Грек поднял голову, чтобы посмотреть на того мужчину, пока лифт ещё не уехал вниз. Испуганные девушки что-то говорили ему, но он ничего не слышал. В ушах звучал лишь звонкий писк.

"Все хорошо": разгибаясь в стоячее положение, тяжёлым умирающим тоном прошептал Грек. Разглядеть мужчину за спинами дам он не успел, двери лифта закрылись.

Отдышавшись и придя в себя, Грек направился вниз, на выход, на этот раз отдав предпочтение лестнице. Он быстро вышел из здания и яркий солнечный свет ослепил глаза.

– Что так долго? – нервно спросил Олег.

– Извини. Мне вдруг стало плохо. – отчитался Грек, пытаясь отыскать взглядом того мужчину среди людей.

Олег резко изменился в лице, приняв роль заботливого родителя.

– Ты весь бледный. Что случилось? С тобой все нормально?

– Да-да. Уже лучше. Может, давление подскочило.

– Может, – протянул тот в ответ, – Я однажды потерял сознание прямо в автобусе, когда возвращался домой после работы. Ни с того ни с сего.

– Ужас! – актерски воскликнул Грек, словно услышав ужасную новость. На самом же деле ему было совершенно безразлично, мысли его были заняты незнакомцем с лифта, – Ну, все же обошлось? – с тем же безразличием спросил он.

– Да, мне повезло. Пассажиры, ехавшие в том же автобусе, оказали первую помощь и вызвали скорую. Очнулся я только в больнице. Врач сказал, что это было вызвано сильным стрессом.

Они прошли по тротуару и остановились у проезжей части. Загорелся зелёный свет. В это же мгновение бесчисленная толпа людей ринулась вперёд на противоположную сторону. Оттуда им навстречу со стремительной скоростью ша-

гала другая, не менее устрашающая своей массой толпа. Наблюдая сверху, можно было бы подумать, что сейчас произойдёт нечто похожее, как если бы две огромные волны цунами столкнулись лоб в лоб. Но этого не произошло. Напротив, пешеходы, будто сотню раз отработавшие этот манёвр всем составом, лихо просачивались между друг другом один за другим. И уже через четыре секунды от этого огромного скопища людей в центре проезжей части остались лишь невидимые следы фантомов, плавно тянущихся за своими телами.

Грек и его коллега в ритме окружавшей их толпы двигались в сторону кафе, по пути, не сменяя темы, делясь всеми травмами и болячками, скопившимися с детства по сегодняшний день, как мальчишки, которые хвастают своими шрамами на теле, описывая произошедшее в ярких красках, привирая действительность.

– Однажды мне приснился сон, – начал Грек, – будто бы я опаздывал на работу. У нас была запланирована какая-то важная конференция, которую ни в коем случае нельзя бы было пропустить. Что-то очень важное. И я решил поехать не на метро, как обычно, а на такси. Я поймал машину, а водитель – афроамериканец. И ни слова по-русски.

– Тут уж, скорее, узбек, – подметил Олег.

– Ну, точно. И вот, мы тронулись, я ему показываю куда ехать, где сворачивать, а потом вижу, на светофоре следующего перекрёстка горит красный, я кричу, стой, остановись,

дурак, а он ещё быстрее начал разгоняться. Я смотрю в зеркало и вижу, что у него нет глаз, представляешь? А потом он поворачивается ко мне, улыбается своей белоснежной афроамериканской улыбкой и говорит по-русски: "Тебе привет от него". Я его спрашиваю: "От кого?" – и тут же сбоку в нас врывается огромная фура, мы отлетаем, переворачиваемся в воздухе и с грохотом падаем на асфальт, – Грек хлопнул ладонями, показывая, насколько жёстко было падение, – Скрежет металла, гул, звон битого стекла, а я чувствую, что мне зажало ногу. Потом присматриваясь и вижу торчащую из-под разорванных брюк окровавленную кость. После этого я тут же проснулся.

– Ну и жуть... – скривился Олег.

Тем временем они уже присаживались за стол. Официантка подала им меню и тут же испарилась.

– Да это ещё не все, ты слушай, – продолжал Грек теперь чуть тише, – Через неделю я проспал будильник. Проснулся в отвратительном состоянии. Позвонил Константиновичу и попросил отгул на день. Думаю, отлежусь дома, приду в себя и завтра выйду на работу. В обед встал с кровати, пошёл в душ и, угадай, что случилось?

– Ты вдруг вспомнил, что у тебя никогда не было чернокожих и решил дать волю своим фантазиям и руке? – сострил Олег.

– Нет, кретин. Я поскользнулся и сломал себе ногу.

– А как же афроамериканец? Ты ничего не упустил?

– Да иди ты!

К столику подошла симпатичная официантка, чтобы принять заказ. Олег попросил стейк из свинины и салат "весенняя радость", Грек же отдал предпочтение грибному супу, аппетита у него совсем не было.

Едва девушка удалилась, Олег тут же уставился в телефон. Грек вытянул крайнюю салфетку из пластиковой салфетницы и приступил к сотворению прекрасного. По сказаниям Анакреонта, именно белые розы были первыми появившимися на свет. А появились они из белой пены, покрывшей прекрасное тело богини любви Афродиты, когда та выходила из моря после купания. Когда другие боги увидели сию красоту, они тут же принялись обрызгивать это чудо нектаром, чтобы придать ему вкусный аромат. Аромат роза приобрела, а вот должное божье бессмертие – нет. И теперь Грек, подобно Богу, созидал очаровывающее взоры смертных творение. Пусть не из пены, павшей с пышного тела Афродиты, а из столовых бумажных салфеток, не с ароматом божественного нектара, а лишь с запахом древесной целлюлозы в добавок с искусственными ароматизаторами. Но зато эта роза будет бессмертной, какой не удалось ее сотворить богам, так как на жизнь его творение претендовать не могло изначально, а значит и избежать своей смерти не составляло никакого труда.

– «Весенняя радость», стейк, грибной суп. Приятного аппетита, – нарушила тишину девушка, расставляя тарелки.

– Спасибо, – пробормотал Олег.

Грек, как раз закончивший свой труд, протянул розочку официантке.

– Это Вам, – с надменным, лишенным всяких эмоций лицом, произнёс он, словно царь, пощадивший своего оскорбителя от неминуемой казни, даровав ему тем самым жизнь.

Официантка, переигрывая свою смущённость закатом своих глаз за веки, поблагодарила джентльмена за восхитительный цветочек и, одарив их стол своей милой улыбкой, вновь отчалила, на этот раз более грациозно. Можно было заметить, как её подбородок стал чуть выше, а вместе с ним и её самооценка.

Во время трапезы они обсудили рабочие дела, грядущий день рождения Писчинкиной, общей коллеги, телевизионное шоу "Ананасовая кожура", планы на отпуск и личные проблемы.

После обеда они сразу же отправились обратно в офис. Когда они подошли к лифту, Грек сразу же вспомнил того незнакомца и его леденящий душу взгляд. От воспоминаний по коже пробежали мурашки.

На этот раз лифт был пуст. Они поднялись до офиса и сразу же разошлись в разные стороны. Грек снова погрузился в работу. Ещё несколько раз его отвлекали то телефонные звонки, то коллеги. Как он и планировал, отчёт был завершён до трёх часов дня, все оставшееся время он провёл, раскладывая пасьянс. Перед уходом с работы он оставил распе-

чатанный отчёт на столе Валерия Константиновича и с чувством выполненного долга, покинул стены здания.

Глава 2

Весна сияла во всей своей красе. Непередаваемо нежный аромат цветущих деревьев кружил голову, тёплые лучи солнца ласково щекотали лицо, а птицы напевали свои трели. Ласточкин щебет, стрекотание сорок, воробьиное чириканье и заливания соловьев, все это переплеталось между собой и обращалось в хор. Эти чистые песни, без фальши и пафоса, без вульгарщины и грязи, лились ни славы ради, а по зову маленьких сердец, совершенно бескорыстно, заполняя эфир любовью и светом. Его легкие наполнял сладкий воздух, а душу наполняла жизнь. Казалось, будто весь мир улыбается ему, а он улыбался всему миру в ответ. Он шёл не спеша, чтобы не упустить ни единой детали, ни единого мгновения царившей идиллии.

Свой путь он знал наизусть, казалось, ему бы не составило никакого труда преодолеть его с завязанными глазами, описывая все вокруг.

Дойдя до парка, он сразу же направился к своему месту. В холодное время года он располагался на лавочке, но сегодня было особенно тепло, а потому предпочтение было отдано зеленому газону.

"Погуляй, Майя" – сказал он своему питомцу, отстегивая шлейку.

Майя облизнула руку своего хозяина в знак благодарности и тут же бросилась к другим собакам, находившимся на лужайке неподалеку.

Хозяин скинул с плеч свой рюкзак и достал из него деревянный футляр для этюдника. Установив конструкцию и сложив все принадлежности рядом с собой, он устроился поудобней на мягкой свежей траве и начал по очереди добавлять масляные краски на поверхность палитры.

Среди лая резвящихся на поляне собак, смешанного со звуками радостного крика детей, игравших неподалёку, он отчетливо слышал тот родной, который принадлежал Майе. Он улыбнулся, глубоко вдохнул приторно сладкий коктейль ароматов воскресавшей весны с дурманящим запахом красок и принялся писать. Чистый холст плавно наполнялся красками. Через час вместо белого полотна перед его глазами уже была картина: заточенный в бордовой клетке пейзаж с нежно розовым озером среди синей травы на фоне красного неба.

Он не был профессиональным художником, ему просто нравилось писать картины и делал он это для себя именно так, как ему хотелось. Как и всегда, своей сегодняшней работой он был вполне доволен. Не спеша он принялся укладывать инструменты на свои положенные места.

- Очень странно – прозвучал женский голос за его спиной.
- Что, простите?
- Я о картине. Очень странно.

– А что именно Вас смущает в этой картине? – по-прежнему не оборачиваясь, улыбнувшись, спросил он.

– Хм. Да все! – разведя руками в разные стороны, весело воскликнула незнакомка – Цвета не соответствуют, озеро у вас будто бы сейчас взлетит, дерево... – она замолчала, прищурившись, вглядываясь в картину, – если это дерево, вообще! Я уже молчу о воздушной перспективе, тенях и тонах. Если бы я увидела эту... – она деликатно кашлянула, будто маскируя матерное слово, – ... Картину в другом месте, я бы даже не поняла, что это озеро. Что это за пересекающиеся линии?

– Ими я хотел изобразить клетку, – с той же улыбкой ответил он девушке.

Незнакомка рассмеялась.

– Вам, явно, нужен учитель.

– И вы, разумеется, хотите мне предложить свою кандидатуру. Мне это льстит, но поспешу предупредить вас, я трудный ученик.

– Трудных не бывает, бывают не желающие, – заметила она, – Меня Виктория зовут. Я присяду рядом?

– Я буду только рад, Виктория. А меня зовут Анвар, – поворачиваясь к ней лицом, и, протягивая руку в знак знакомства, негромко проговорил он.

Увидев его глаза, Виктория резко вздрогнула, будто от испуга.

– Боже мой! Вы... Простите, я не знала, – её лицо резко

побледнело.

– Не стоит извинений, – спокойным тоном прервал ее Анвар, – Я не стыжусь этого и вовсе не скрываю. Мы можем озвучивать правду, называя вещи своими именами.

Виктория медленно протянула свою руку навстречу его руке, словно боясь, что тот вот-вот дёрнется.

– Вы... Слепой?

– Мне больше по нраву слово незрячий.

– Теперь ясно, почему..., – она замолчала на какое-то время, – Вы уж простите, что я так раскритиковала ваше творчество. Вы не знаете, какого цвета небо, да?

Услышав эти слова, Анвар громко рассмеялся. Это было настолько неожиданно, что Виктория слегка вздрогнула.

– Я не помню, где какая краска. Когда-то в футляре был порядок, и я помнил их местоположение. Но однажды я уронил его и с тех пор небо у меня то розовое, то пурпурное, то цвета болота.

– Простите за глупость. Я разволновалась. Просто... Я...

– Прошу вас, прекратите извиняться. Минуту назад вы с холоднокровной жестокостью уничтожили меня как художника, а теперь просите прощение за каждое своё слово. Ведь за эту минуту ничего не изменилось, так, давайте же не будем отклоняться от характера общения, с которым вы начали нашу беседу.

Виктория прибывала в ментальном ступоре, она пыталась построить предложение, ответить хоть что-нибудь, но это

оказалось чем-то невыполнимым – только лишь ей удавалось найти необходимое слово в своей голове и уцепиться за него, как оно тут же ускользало и испарялось в пучине ненужных мыслей.

– Вы бы только знали, как часто мне приходится наблюдать подобное перевоплощение, – с иронией прохрипел Анвар, – Люди, узнав о моем недуге почему-то сразу же начинают винить себя, даже если до этого они просто поздоровались со мной. Странно, правда? Пожалуй, из всех отрицательных сторон моего недуга, самое ужасное это – сострадание со стороны окружающих.

И действительно, Викторию по каким-то необъяснимым причинам мучило угрызение совести, ей было стыдно за каждое своё слово. Ей пришлось приложить усилия, чтобы абстрагироваться от шокировавшей её недавно поступившей информации и начать-таки говорить.

– Хочешь убить человека – пожалей его, – продолжил Анвар, – Но вы ведь не убийца, правда?

Виктория отрицательно покачала головой. Как ей показалось, слепец, сидевший рядом с ней, то ли увидел это, то ли почувствовал, потому как после этого, он сразу же отвернулся, будто бы взгляды ваясь вдаль. Её взгляд снова приковала странная картина.

– Мне все понятно с цветами, – буркнула она, – Но зачем клетка?

– А вы как считаете?

Виктория пристально всматривалась в разноцветные краски, словно пыталась сыскать какую-то мелкую деталь, спрятанную с вида.

– Я думаю, клетка символизирует ваш недуг, который ограждает вас от этого пейзажа, – наконец вынесла свой вердикт Виктория.

– Очень неплохо. Можно трактовать и так. Но смысл, который я вижу в этом гораздо глубже. Вот, что бы вы мне ответили, если бы я сказал, что на картине нет изображения ни пейзажа, ни клетки?

– Я бы сказала, что вы ошибаетесь, – возмутилась Виктория, – Да, это изображено весьма безалаберно, но оно изображено.

– И даже если учесть тот факт, что эта картина написана мной?

Уголки его губ застыли в хитрой полуулыбке.

– Принадлежность картины к тому или иному художнику не меняет сути, – продолжала отстаивать свое Виктория, – Да, Вы не видите, но именно Вы писали полотно, изображая этот зарешеченный пейзаж.

– Я уже давно забыл, как выглядит этот пейзаж. Рука сама пишет картину, которую я не могу видеть. В моем мире не существует понятий картинка или зрительный образ. Я знаю, какова форма этого дерева из тактильных ощущений, знаю, за сколько шагов я обойду озеро вокруг, могу представить неосязаемость неба, но я не могу вообразить, как все это вы-

глядит – я совершенно не помню, как это. Рука помнит, как с помощью кисти и краски изобразить клетку, но я не способен представить внешний вид этой клетки, понимаете?

– Кажется, да, – протянула Виктория.

– Раз, Вам кажется, тогда вот вам такой вопрос: если вы бы знали, что я добился этого результата, кой вы можете узреть сейчас, не скрупулезными выводами линий тонкими кисточками, а произвольным и совершенно неосознанным метанием краски в полотно при помощи мастихина, Вы бы также утверждали, что на картине изображён пейзаж, заточенный в клетку?

– Нет. Я бы могла сказать, что это похоже на пейзаж в клетке.

– Верно. Так, в чем же разница между картиной, написанной незрячим, незначащим, как выглядит то, что он изображает, помнящим лишь необходимые движения руки и картиной, написанной неосознанно?

– Кажется, я поняла, о чем вы говорите, – задумчиво простонала Виктория, – Разницы нет. Ни в первом, ни во втором случае картина не сможет изобразить реальность, а только лишь сможет походить на неё, так как её автор либо не знает, как выглядит реальность, либо вовсе и не пытался изобразить её, верно?

Лицо Анвара засияло довольной улыбкой. Он медленно кивнул головой и продолжил своё повествование, но уже полупёпотом, будто открывая завесу тайны.

– Вот мы и добрались до смысла этой картины. Пейзаж, который изображён на полотне – это жизнь человека, не знающего ни её смысла, ни своего предназначения в ней. Эта жизнь, написанная человеком, который не способен написать её, который не знает, как выглядят её детали, который не может знать и даже представить, как выглядит жизнь, чтобы вам было понятней, жизнь, написанная незрячим. Это жизнь, написана автоматически, рефлекторно, рукой, но не самим человеком. Понимаете? Но главная ошибка человека таится в его убеждении, что эта жизнь ограничена клеткой. Запретный плод сладок и именно эти, также рефлекторно нарисованные, стальные прутья и заставляют человека верить в то, что за ними таится что-то ценное. Эта клетка не отделяет его от жизни, не ограничивает его возможности, так как ни эта жизнь, ни сама клетка не имеют ничего общего с реальностью. И стоит лишь понять, что все это написано незрячей рукой – его взору и откроется настоящая жизнь. Но увидеть жизнь, значит сжечь полотно, которое ты так долго писал, в достоверность которого ты так верил. А вам, как художнице, должно быть известно, как трудно проститься со своим творчеством.

Несколько секунд Виктория сидела с нахмурившимся видом.

– Вы хотите сказать, что для того, чтобы начать жить, человеку нужно полностью отказаться от того, что он называет жизнью сегодня?

– Все, что я хочу сказать это лишь то, что человек пишет картину, но он не видит пейзаж.

– Но как же человеку увидеть пейзаж?

– Перестать писать картину. Человек не видит, потому что не смотрит, он сфокусирован на картине.

После этих слов в воздухе повисло молчание. Хотя шум, создаваемый резвящимися детьми, игравшимися собаками, не унимался, все будто бы исчезло на миг. Виктория смотрела вдаль, обдумывая только что услышанное.

– К сожалению, на этом я буду вынужден оставить вас.

– Мы ещё встретимся? – с досадой в голосе простонала Виктория.

– Я часто бываю здесь. Думаю, это возможно.

Анвар кликнул своего питомца и через несколько секунд золотистый лабрадор уже был рядом с ними. Майя смиренно сидела возле шлейки, лаем обозначая своё местонахождение.

Анвар закинул рюкзак за спину, экипировал свою любимицу и пошагал вперёд.

– Надеюсь, вам будет, о чем поразмыслить, – на прощание оставил высокий мужчина, направляемый собакой-поводырем в неизвестную даль.

– Я буду ждать следующей встречи с Вами, – крикнула вдогонку Виктория.

Обратно он шёл также не спеша. Его мысли заняла незна-

комка из парка. Временами он испытывал одиночество, будто бы кроме Майи нет никого на планете, кто бы мог услышать его голос. Сегодня его слушала Виктория.

Единственная его близкая подруга, которая всегда была готова провести с ним время за приятной беседой, улетела в Канаду по своим делам. Первый месяц её отсутствия они каждый вечер обменивались аудиосообщениями, делясь друг с другом всем, что успело скопиться за день. Но в последнее время общение практически сошло на нет. Его не сильно беспокоило это, так как он прекрасно знал, что через несколько месяцев она вернётся и все станет по-прежнему – совместные прогулки, какао на кухне, пьяные посиделки в барах под беседы о высоком и низком, и, конечно же, книги. Он обожал слушать её чтение. Анвар знал азбуку Брайля, но такое чтение ему не доставляло удовольствия, к тому же, поиск литературы с таким шрифтом было весьма проблемным занятием.

Порой казалось, что проще отыскать десять миллионов, недостающих на операцию, чем желаемую книгу. Только он успел подумать об операции, как на него тут же свалилось странное чувство. Это не было печалью или предвкушением чего-то радостного, скорее, некая смесь страха перед неизвестностью с эйфорией, какую бы мог испытывать человек, навсегда покидающий свою родную страну.

Он не испытывал необходимости видеть, чтобы жить. Его счастье зиждилось на звуках, вкусах, запахах и мыслях. "Но

что же будет, когда я вновь смогу увидеть этот таинственный мир, наполненный разноцветными картинками?" – думал он – "Есть ли придел тому счастью? Каково это – впервые за десять лет увидеть лицо своей подруги, узнать, как выглядит Майя, вновь узреть закат, увидеть своё отражение? Каково это – видеть?" – От будоражащих мыслей его руки полностью покрылись мурашками.

Почувствовав под подошвой знакомую крышку ливневого люка, Анвар сбавил ход, подтягивая шлейку на себя. Впереди него была узкая пешеходная дорожка, зажатая между огромным торговым центром и оградительным леером проезжей части. На этом участке его часто сбивали прохожие.

Преодолев все испытания, он наконец-то добрался до трамвайной остановки, где было более просторно. Остановившись подальше от скамьи, где сидели ожидающие своего трамвая, Анвар вытащил сигарету из пачки и, чиркнув зажигалкой, закурил.

– Мужчина, здесь вообще-то не курят, – надменным тоном протянула женщина, сидевшая на скамейке.

Анвар безукоризненно соблюдал законы и, к тому же, уважал права некурящих. Но весеннее настроение толкало на глум.

– Извините, а здесь – это где? – придуриваясь спросил он.

– Здесь – это на остановке! – прозвучало в ответ. Последняя часть фразы уже была озвучена двумя женщинами одновременно.

– А что, тут где-то остановка? -продолжал прикидываться Анвар.

– Нет, мужчина, здесь место для курения, а мы пришли сюда чтобы вам докучать.

Анвар развернулся в их сторону и начал приближаться к лавочке.

– Прошу прощения, дамы. Меньшее, из того, чего бы я мог пожелать – это создать вам неудобства. Прошу отнестись с пониманием к произошедшему. Слепому человеку трудно ориентироваться на незнакомых улицах, а моя замечательная собака Майя, хоть и умна, но к сожалению, недостаточно, чтобы знать, где её незрячему хозяину курить можно, а где нельзя.

Сидевшие на лавочке женщины опешили. Выпучив глаза, они пристально вглядывались в его неподвижные серые глаза, вокруг которых виднелись жуткие шрамы.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – вставая с лавочки, жестом пригласили женщины.

– Спасибо, я постою, – с драматизмом промолвил Анвар, изо всех сил сдерживая проказную улыбку.

Анвар вспомнил случай, произошедший с ним спустя пару месяцев после того, как он потерял зрение. Майи тогда у него ещё не было и передвигался он с тростью, что давалось ему с большим трудом. Проходя вдоль стеллажей супермаркета, он наощупь пытался найти банку огурцов. Упустив тростью преграду, он врезался в чью-то спину. В ту же секунду

же преграда разразилась в яростном крике.

– Куда ты прешь?

Обычно, при таких казусах Анвар ничего не отвечал, люди сами приносили свои извинения, как только замечали, что он слепой, но в тот раз он нервно завопил в ответ.

– Я вообще-то слепой, если не заметили! Вы простите, уважаемый, но так уж сложилась моя судьба, я не виноват в том, что потерял зрение, как и в том, что эти гребенные работники без конца перекладывают огурцы!

– Мне плевать на твои проблемы, также, как и всем остальным! – тем же разъяренным тоном прозвучало в ответ, – Можешь продолжать жаловаться и сетовать на свою трудную судьбу, обвиняя всех вокруг, но зрение своим нытьем ты не вернёшь. Либо ты борешься со своими трудностями, либо ты подчиняешься им.

С этими словами незнакомец ушёл.

Анвар остался наедине с разрывавшими его чувствами ярости и боли. И причиной тем эмоциям послужила не грубость незнакомца, а напротив, его кристальная честность, напомнившая ему о его ничтожности. Он почувствовал, как тёплые слёзы покатались по его заросшим щетиной щекам. "Почему я?!" – произнёс он тогда взхлёб и тут же рукой заткнул себе рот. Стараясь успокоиться, он несколько раз произнёс шепотом, словно молитву: "Либо ты борешься с трудностями, либо подчиняешься им." Как же просто. Чертовски просто. Эта фраза несла в себе банальную истину, известную

каждому: ты сам творец своей жизни и только тебе выбирать жить счастливо или быть жертвой. Но с момента трагедии, произошедшей с Анваром до того дня ни один человек не напомнил ему об этом. Его жалели и утешали, ему сострадали, о нем заботились. Его убедили в том, что он достоин жалости, его заставили верить в свою беспомощность. Ни один из них, не пытался ему помочь.

Кем был тот спаситель, осмелившийся, вопреки всем моральным устоям, так резко высказаться в адрес незрячего, Анвар не знал. Возможно, он был инвалидом, быть может, он также был слепым и потому знал, какой должна быть помощь жалеющему себя слепцу. Или же он был абсолютно здоровым и счастливым человеком. Так или иначе, Анвар по сей день был бесконечно благодарен ему за ту колючую правду. Что-то забывается, что-то остаётся в памяти, но лишь некоторые воспоминания будут храниться вечно. Ту встречу он сохранил навсегда, встречу, которая помогла ему услышать своё сердце, биение которого было не разобрать в шуме утешений окружающих и собственного гнева. За все десять лет, прошедшие с того дня, Анвар не забывал ни на минуту о той простой и банальной истине.

Когда он услышал знакомый скрежет ржавых колёсных пар приближающегося трамвая с номером пятнадцать, уголёк сигареты уже дотлевал у фильтра.

Он бросил бычок, попрощался с женщинами, которые остались на остановке и сел в трамвай, чтобы вернуться до-

Глава 3

Грек был максимально уверен в себе, он знал своё дело и чувствовал себя в нем, как рыба в воде. Но далеко не всем рыбам одинаково везёт, и пока остальные собратья лососевые преодолевают морские глубины, направляясь к ближайшим рекам для нереста, кто-то лежит в тарелке в виде запеченого стейка, политого лимонным соком и украшенного овощами, совсем не чувствуя боли от увечий, наносимых столовыми приборами.

– Как тебе семга?

– Не увиливай от ответа! – шутливо приказным тоном отрезал Грек.

– Ну, хорошо, – робко пожав плечами, подчинилась Милада, – В детстве я была крупной девочкой, и родители звали меня пыш. Потом я была то рыжей, то веснушкой. Но самые обидные прозвища мне присваивали в школе: метла, ведьма, боксер.

– Постой! – резко перебил Грек, бровями изображая недоумение, – Ведьма с метлой понятно, но почему боксер?

– Из-за пухлых губ, – Милада неестественно надула губы, пародируя любительниц утиных селфи, – Тогда я ненавидела школу. В подростковом возрасте дети особенно жестоки. Ну, а потом, с класса девятого мальчишки уже начали

интересоваться мной и то, что раньше магнитом тянуло ко мне неприятные клички уже стало предметом моей красоты, а я, отыгрываясь на своих бывших обидчиках, практиковала приемы оболъщения и манипуляции. Вот они локти себе грызли! – с тонко ощутимым злорадством произнесла она, – Использовала, издевалась, жуткой стервой была.

– Неужели, прям-таки над всеми издевалась и ни в кого не влюбилась? – ковыряя вилкой в рыбине, спросил Грек.

– Как же без этого! Холодные принцессы, когда-то оскорбленные и раздавленные противоположным полом, однажды встречают своего принца, который не оставляет её заледневшему сердцу никакого выбора, кроме как растаять в безрассудной пылающей любви. И принцем этим может оказаться кто угодно: красивый или страшный, с конем или без, её идеал или полная его противоположность. Выбирает сердце, а не разум. Это же произошло и со мной. Мой же принц оказался не самым лучшим выбором и длилась эта первая любовь совсем недолго, после чего я вновь оградила свою душу от внешнего мира непробиваемым слоем льда.

Милада подытожила свой рассказ мимолетной ироничной улыбкой, давая Греку понять, что её это вовсе не печалило.

Грек же вообще не верил в любовь и считал присвоение высокого статуса биохимическим процессам головного мозга редчайшей глупостью, с которой могло бы посостязаться только лишь присвоение такого же по значимости статуса к чувствам голода, страха или сонливости. По его мнению,

люди необоснованно переоценивали значимость этого ощущения, также необоснованно игнорируя все остальные. Но вступать в полемику по этому вопросу сейчас было не в его интересах.

– Мне кажется, ты абсолютно правильно подметила, сказав, что выбирает именно сердце. Ведь там, где есть разум, есть и сомнения, а где есть сомнения, любви не место. Борьба между разумом и сердцем, подобна прыжку в неизведанную пропасть – ты либо боишься и не осмеливаешься на это, либо прыгаешь без раздумья и наслаждаешься полетом.

– Предлагаешь прыгнуть, да? – прожигая его ярко зелёными глазами, сладко промолвила Милада и подняла бокал красного вина.

– Ты очаровательна, – произнёс Грек, покачивая головой со стороны в сторону, словно отрицая возможность существования сего прекрасного создания.

Повисло молчание. Он поднёс свой бокал, чтобы чокнуться. Не переводя взгляд друг с друга, они отпили по глотку.

– Изысканный вкус, – промурлыкала Милада.

– Знаешь, – опустив глаза на её бокал, вставил Грек, – греческая легенда уверяет, что первым, обнаружившим виноградную лозу был обыкновенный пастух по имени Эстафилос. Он отправился на поиски своей пропавшей овцы, а отыскав её, застал поедавшей неизвестное ему растение. Собрав плоды, он отправился к своему хозяину Ойнасу, чтобы показать находку, после чего хозяин решил выжать из пло-

дов сок, который со временем становился лишь вкусней. Как ты считаешь, что самое интересное в этой легенде?

– То, что она Греческая? – воспользовавшись моментом, Милада быстро вставила каламбур.

– Ты бы могла и лучше, – мягко съязвил Грек, – интересно то, что виной появления этого напитка послужил ни пастух, ни его хозяин ни даже заблудшая овца. А именно случай. Хозяин мог бы не дожидаться брожения сока, Эстафилос мог не обратить внимания на плоды растения, а овца могла бы просто не покинуть стадо. Достаточно лишь исключить хотя бы одно незначительное событие и этой истории бы уже не было. Если бы месяц назад я не спешил на встречу с клиентом и не столкнулся бы с прохожим, я бы не порвал ремень на часах и не пошёл бы на следующий день в торговый центр, чтобы починить их, не зашёл бы в кафе, чтобы дождаться мастера и не встретил бы в этом кафе тебя.

– Случайности не случайны, – мелодично пропела зеленоглазая красавица.

Над их столиком вновь воцарилась ласковая тишина. Они уставились друг на друга.

По её глазам Грек мог понять, чего она хотела и как. Это был страстный взгляд, опьяненного вином сознания, женщины, чьё инстинктивное влечение сковывалось лишь общепринятыми социальными нормами и ресторанным этикетом.

Спустя полчаса они встали из-за стола и направились к гардеробу, где Грек, как подобает джентльмену, помог Мила-

де одеться. Остановившись у порога, он распахнул входную дверь и жестом пригласил спутницу выйти первой, после чего последовал за ней. На парковке их уже ожидало такси.

– Куда мы едем? – полюбопытствовала Милада.

– Скоро узнаешь.

Грек назвал адрес водителю, и они тронулись. Едва выбравшись на центральную дорогу, машина стремительно быстро начала набирать скорость. Огни дорожных фонарей, светящиеся окна домов, мерцания светофоров, стоп-сигналов и фар автомобилей слились в яркий танец.

Ночной город нельзя было охарактеризовать спящим или бодрствующим, кто-то предпочитал домашний отдых, принимая на себя ответственность за свет в домах, кто-то – пятничные приключения, отвечая за дорожный колорит.

– Приехали, – остановившись у обочины, невнятно пробормотал водитель.

Пока Грек расплачивался с таксистом, Милада медленно вылезла из машины и быстро оглядела незнакомую местность. Это был жилой район, напичканный многоэтажными домами. В глубине улицы едва виднелась замаскированная ночной темнотой детская площадка. На другой стороне дороги светился зелёный аптечный крест, там же стоял круглосуточный магазин. Неожиданно появившийся Грек, вновь поприветствовав Миладу дружелюбной улыбкой, взял её за руку и повёл за собой. Они вошли вглубь двора и пройдя метров двадцать, резко завернули к дверям подъезда одного

из домов.

– Мы идём к тебе домой?

– Не совсем. Сейчас все увидишь, – интригуяще прошептал Грек.

Войдя в подъезд, они прошли лестничный пролёт и оказались в лифте. Добравшись до последнего этажа, парочка вышла и направилась по длинному коридору в конце которого виднелась дверь, ведущая на лестницу.

Подойдя вплотную к закрытой на амбарный замок двери, Грек потянул руку вверх к выпирающему выступу дверного проёма, пальцами ища что-то наощупь. Отыскав в скопившейся на выступе пыли ключ, он отворил дверь. Минувя ещё несколько лестничных пролётов, они вышли на плоскую крышу.

Поток холодного ветра резко врезался в лицо. Крепко держа Миладу за руку, Грек медленно провёл её к краю, ограждённому бетонной балюстрадой.

Перед их глазами расстился завораживающий вид. Те яркие огни, которые они наблюдали в окно машины десять минут назад, теперь, на фоне всего города, среди миллионов подобных, казались отдалёнными и неважными.

"Также и с людскими жизнями, – почему-то подумал Грек, – снизу можно проследить индивидуальность каждой, но стоит подняться выше и её уже не сыщешь в бесчисленном множестве остальных. И чем выше наблюдающий, тем незначительней наблюдаемое."

Но все же каждый из этих огоньков был необходим, как и необходимы невидимые песчинки, без которых не представлялось бы возможным существование пустыни.

Милада, словно заколдованная, прильнув к ограждению, застыла в той же позе, в которой остановилась. С широко раскрытыми глазами и едва видневшейся улыбкой она созерцала открывавшуюся взору панораму, будто наблюдая сверхъестественное.

– Какая красота, – нарушив тишину, простонала она.

"Судя по этому блеску в глазах, я не прогадал." – с приступным азартом прикинул Грек.

Милада, будто услышав мысли Грека, обхватила его шею руками и плотно прижалась к нему, доказывая верность его предположений.

Вот и все.

Все же, это было проще лёгкого. Грек умело разбирался в женщинах, тем более, замужних. Разница между свободной женщиной и женщиной, состоящей в браке, как раз и заключалась в том, что со вторыми, в какой-то степени, было проще. Свободная женщина ищет человека, который бы максимально отвечал её требованиям, отфильтровывая каждого претендента сквозь призму идеала, тогда как замужняя ищет лишь недостающие в её избраннице факторы, будь то секс или деньги, забота или острые ощущения. В этом и состояла задача Грека – обнаружить эти недостающие факторы и поманить ими. В этом смысле Милада была лёгкой до-

бычей, подходящей по всем необходимым критериям: молодая, красивая, замужем за богатым мужичком, то и дело, разъезжающим по миру в командировки. Простота соблазнения жён богатеньких дядь таится в том, что для этого ничего не требуется, кроме внимания и умения слушать. Выслушай её, выяви её нужды, предоставь их – простой алгоритм. Но предоставь таким образом, чтобы она и подумать не могла, что ты это делаешь умышленно. Это должно выглядеть так, словно она наткнулась на тебя уже такого, подходящего по списку всех недостающих характеристик. Не казаться, но быть. Не давать, но дарить.

Вдруг их губы соприкоснулись. Все исчезло. Шум города, свист ветра, мысли – словно этого никогда не существовало. Нежный поцелуй мгновенно воспылал в страсть.

Спускаясь лифтом на двадцать четвёртый этаж в квартиру Грека, они – словно раскалённые докрасна угли – то затухали, то вновь вспыхивали ярким пламенем. С шумом распахнулась входная железная дверь. Одежда бесхозно полетела на пол. В горячих поцелуях они вслепую добрались до спальни и повалились в кровать.

Лунный свет, сочившийся сквозь широкое расшторенное окно, с заботой окутал обнаженные тела, сплетенные в танце страсти.

Глава 4

Проснувшись, Грек сразу же встал с кровати и побрел на

кухню. Действуя максимально тихо, стараясь не разбудить Миладу, он приготовил завтрак, в виде яичницы, тостов с беконом и ароматного свежесваренного кофе.

Когда он вернулся в спальню, Милада ещё спала. Он крадучись приблизился к спящей, поставил поднос с завтраком на прикроватную тумбу, на которой доселе висел бюстгальтер и принялся тихонько будить её.

Пробудившись от сладкого сна, Милада улыбнулась. Оба были в добром расположении и без всякой скромности с удовольствием обсудили детали вчерашней ночи.

После завтрака они сразу же начали собираться. У Милады была запланирована встреча с дизайнером, с которым она должна была обсудить и утвердить план интерьера её нового салона красоты.

Стоя в ванной, перед зеркалом, елозя по зубам щеткой, Грек почему-то вспомнил того мужчину из лифта, которого встретил вчера.

"Отчего же мне стало так плохо?" – умчавшись в воспоминания, он попытался понять те ощущения, – "Да и ещё как плохо! И ведь самое странное, я совсем не запомнил его лица. Хотя, когда бы мне его было разглядывать? Пока стоял к нему затылком, задыхаясь от паники? Может, мне просто показалось? Ну, а с другой стороны, с чего бы вдруг? Да, черт с ним! Может, урод там какой стоял – всякие рождаются. А я устал, видать, или перенервничал – на фоне стресса и не такое бывает. Начальничек этот со своим отчётом, встреча с

Миладой, все в кучу, вот и словил страшного."

Оба оделись и спустились вниз. Грек проводил Миладу до такси и поцеловав в щёчку на прощание, взором проводил автомобиль, после чего направился в сторону станции метро.

По пути до станции его преследовали неприятные ощущения. Сперва это был лёгкий зуд постороннего присутствия, ему казалось, будто кто-то среди знакомых наблюдает за ним. Он заподозрил Миладу.

Остановившись у уличного киоска, он протянул купюру в открытое квадратное окошко и положил её на монетницу, попросив полулитровую бутылку воды. Пока продавщица рылась в кассе, Грек обернулся назад и, изображая скуку, окинул взглядом прохожих и близстоящие припаркованные автомобили. Миладу он не видел. Подозрительных людей в чёрных фетровых шляпах тоже не было.

Забрав сдачу с водой, Грек пошагал дальше.

Он понимал, насколько глупо мнить себя объектом слезки, но одолеть это внутреннее чувство тревоги было вне его сил. Мысли предательски метались с чаши на чашу, балансируя между скептицизмом и мнительностью. Когда чувства брали вверх, Грек начинал успокаивать себя, а как только ему это удавалось, ощущения тревоги вновь возвращалось в ещё большей степени. И теперь уже скептик не отрицал самой слезки, а лишь фильтровал возможных подозреваемых, подбирая каждого, кому бы это могло быть нужно. Грек вспомнил все свои грехи, продумал каждый возможный ва-

риант исхода событий и тактику отступления. Чаша чувств перевесила чашу разума. Лёгкий зуд, перераставший в паранойю, окончательно деформировался в железное убеждение – за ним следят. Шаг ускорился. Он спустился в метро и начал судорожно ворошить карманы, пытаясь найти жетон. Теперь ему было страшно обернуться назад. Это был тот же страх, настигший его вчера в офисном лифте.

Когда он нащупал пальцами жетон, шаг уже сменился на легкий бег. Миновав турникет, он побежал вниз по эскалатору, расталкивая стоящих на пути. Снизу, издали послышался шум подходящего состава. "Лишь бы успеть." – подумал он.

В гуле метрополитена, за спиной прозвенело чьё-то "Стой!". Грек резко обернулся на голос, но преследующего не увидел.

Его охватила паника. До гребенки, лениво проглатывающей ступени эскалаторной ленты оставалось несколько метров.

Сбежав вниз сквозь толпу людей, Грек в спринте бросился к краю платформы. Влетая в закрывающиеся двери вагона, он выронил бутылку воды. Только лишь тут, в вагоне он почувствовал безопасность.

"Пронесло." – подумал он с облегчением.

Когда он обернулся к только что закрывшимся дверям, за ними, в стекле он увидел мужчину.

Грек сразу же узнал его. Да. Это был он. Тот же самый че-

ловек, которого он встретил вчера. Вернее, Грек узнал не самого человека, а его глаза. Мужчина стоял неподвижно. Его взгляд был направлен точно на Грека, но в то же время был пустым. Пустым настолько, будто бы его и не было. Или не было того, на что он был устремлён. Его взгляд внушал ужас. Тот самый, уже знакомый ужас, пробирающий до самой глубины души и беспощадно пожирающий её. Грек отвернулся и в это же время тронулся состав.

Он изнеможённо волочил ногами, проходя с одного вагона в другой, пока не дошёл до самого крайнего. Усевшись в свободное место, Грек обхватил голову руками, скрестив на затылке пальцы в замок, как будто защищаясь от удара. На смену страху пришло замешательство. Ему казалось, словно все происходящее с ним – это чей-то злой розыгрыш. Мрачная афера, в которой были задействованы все без исключения, включая и Миладу, и Олега, и соседку, и даже этих пассажиров.

"Что это за гнусный тип с дьявольским взглядом? И что ему нужно? Или это, и вправду, галлюцинации и стоит начать задуматься о посещении психиатра? – думал Грек, – и что ещё из этого страшнее: быть сумасшедшим или быть преследуемым? По крайней мере, в первом случае кроме себя самого физической угрозы мне никто не несёт. Боже, о чем я? Нужно выпить и успокоиться."

Грек ни на кого не обращал внимания. Он уже давно проехал станцию, на которой ему нужно было выходить, но со-

всем не заметил этого.

С возвращением чувств, возвращались и первостепенные физиологические ощущения. Грек, будто, только проснувшись, резко осознал, что его мучает непомерная жажда. Его горло пересохло, а язык прилипал к небам. Он радостно ожил, когда вспомнил, что купил в ларьке бутылку воды, но уже через секунду, поняв, что рядом её нет, а отделяют их десятки километров холодного подземного туннеля, он почувствовал себя ещё более несчастным и беспомощным, чем до мыслей о ней.

Сойдя на следующей станции, он побрел к выходу, стараясь забыть случившийся казус, как пытаются забыть что-то постыдное. Он расправил плечи, поднял подбородок и направил мысли в привычное русло.

"Нужно позвонить Миладе, – подумал он, – или пока не стоит? Нет. Пока еще рано."

Глава 5

С самого утра Милада сияла в лучезарной улыбке. План интерьера был утвержден и после встречи с дизайнером, она сразу же вернулась домой. После обеда ей захотелось заняться домашними делами, что было вовсе не похоже на нее – с появлением домработницы она ни разу не прикоснулась ни к пылесосу, ни к кухонной раковине. Сегодня, впервые за два года ей захотелось привести дом в порядок самостоятельно.

Подпевая песням, кричавшим из музыкальных колонок, периодически путая слова текста, Милада и не заметила, как вымыла всю скопившуюся посуду, перестирала белье и вычистила все комнаты.

Несколько раз за день, во время перерывов от дел, она брала телефон в руки, чтобы позвонить Греку, но каждый раз останавливала себя в самый последний момент. Ей не хотелось докучать ему. «Захочет – сам позвонит.» – подумала она после последней попытки и твердо решила впредь не поддаваться искушению.

Когда за окном начинало темнеть, а Милада уже гордо гуляла по блестяще чистому паркету, любуясь приятным результатом проделанного труда, ей позвонила её подруга и предложила сходить в кино, на что Милада с радостью согласилась. Она давно не виделась с Аней и ей с нетерпением хотелось поделиться с подругой последними событиями.

В выборе гардероба она отдала предпочтение оранжевой тюлевой юбке-миди, классическим бежевым туфлям на высоком каблуке, и белой блузке. Вдоволь налюбовавшись собственным зеркальным отражением, она надушилась своими «весенними» духами и, прихватив клатч, спустилась в гараж.

В гараже, блещущим глянцем в свете софитов, красовался красный мерседес, подаренный Миладе её мужем в качестве подарка на день рождения. Она села в машину, завела двигатель и щелкнула кнопкой на пульте управления воротами. Рольставни плавно поплыли вверх, яркий свет ксеноновых

фар врезался в темноту. Едва выехав из гаража, Милада тут же остановилась. Впереди нее, прямо между столбами забора, ограждающего передний двор, перегородив выезд, стоял темный автомобиль. Машина Миладе показалась незнакомой. Она прищурилась, чтобы разглядеть водителя, сидящего внутри, но безуспешно – был виден лишь неподвижный темный контур профиля. Затем она принялась моргать фарами, но это ни к чему не привело. Тогда она несколько раз с силой надавила на клаксон. Звонкий гудок эхом пронесся по темной окрестности. Внутри иномарки появились признаки жизни. После нескольких суетливых движений водитель наконец вышел из машины. Это оказался высокий мужчина, средних лет. Его Милада, очевидно, видела впервые. Он развел руки в разные стороны и скривил гримасу, как ей показалось, означавшую нечто похожее на смирение с разочаровавшей реальностью. Милада открыла окно и высунув голову, заговорила с незванным гостем, который уже находился во дворе.

– Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

– Только если вы механик, – низким басом, со скрытой тенью ухмылкой на лице проговорил незнакомец. Его голос оказался доброжелательным и весьма располагающим, – Двигатель окончательно накрылся! Давно им нужно было заняться.

– Я не сильна в технике, но могу вам помочь с вызовом специалистов.

– Нет-нет, благодарю вас, это лишнее! Мой друг будет здесь с минуты на минуту, прикрепим буксировочный трос и можете считать, что меня здесь не было.

Незнакомец по-прежнему находился на территории внутреннего двора и, хотя дальше от своей машины он больше не ступил ни на шаг, его наглое присутствие очень раздражало Миладу.

– Я прошу прощения за причиненные мной неудобства, – будто почувствовав ее раздражение, залепетал мужчина, – Мне жутко стыдно. Надеюсь, вы не сильно опаздываете?

– Ничего страшного, поверьте, – соврала она, – если что, меня подождут.

– Как же не удобно, вы бы только знали! – продолжал распыляться гость, – Я несколько раз пытался откатить машину с проезда, но все усилия псу под хвост. Видно, и ручник заклинило.

– Не переживайте вы так. Все в порядке, правда. Надеюсь, вам удастся починить машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.